

Е. Л. БЕРЕЗОВИЧ

Пермский государственный национальный исследовательский университет
(Пермь, Россия)
Уральский федеральный университет
(Екатеринбург, Россия)
berezovich@yandex.ru

В. С. КУЧКО

Пермский государственный национальный исследовательский университет
(Пермь, Россия)
Уральский федеральный университет
(Екатеринбург, Россия)
kuchko@inbox.ru

**О ЯВЛЕНИИ КУЛЬТУРНОЙ РЕМОТИВАЦИИ
ПРИ КАЛЬКИРОВАНИИ ЛЕКСИКИ:
КОШАЧЬЕ ЗОЛОТО И КОШАЧЬЕ СЕРЕБРО
В МИНЕРАЛОГИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ***

Статья посвящена русским минералогическим терминам *кошачье золото* и *кошачье серебро*, обозначающим чаще всего слюду соответственно золотистого или серебристого цвета. Они появились в русском языке во второй половине XVIII в. в результате калькирования немецких слов *Katzengold* и *Katzensilber*. В статье прослеживается история употребления этих выражений как в русской минералогии, так и в западноевропейских источниках, и реконструируется их мотивация в немецком языке. Авторы приходят к выводу, что первая («кошачья») часть рассматриваемых составных терминов указывает на ложность, фальшивость «золота» и «серебра», а также определяют причины, по которым образ кошки в языке-источнике связан с семантикой фальши. Анализируется характер проявления культурной ремотивации, произошедшей с этими сочетаниями в русском языке, которая заключается в затемнении их оригинальных коннотаций и возникновении нового коннотативного фона после калькирования.

Ключевые слова: минералогическая лексика, историческая лексикология, калькирование, мотивационная реконструкция, культурная ремотивация, культурные коннотации

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РНФ, проект № 20-18-00269 «Горная промышленность и раннезаводская культура в языке, народной письменности и фольклоре Урала» (Пермский государственный национальный исследовательский университет). Авторы благодарят В. А. Волосатова, И. Т. Демкину за ценные консультации при подготовке статьи.

Русская минералогическая терминология складывалась в тесном взаимодействии с европейской — особенно немецкой, — а также международной новолатинской. Значительное место при этом принадлежало процессу калькирования (помимо «материального» заимствования), пока недостаточно изученному с историко-культурной стороны: необходимость такого изучения определяется различиями в культурных коннотациях, которые могут стоять за словом в языке-доноре и его эквивалентом в языке-реципиенте. Данные различия трудно «поймать», но они фиксируют интересную и важную в этнолингвистическом плане ситуацию: донорское имя вписано в свой культурный сценарий, который не может быть автоматически воспроизведен при калькировании и нередко отличается от реципиентного; соответственно, в реципиентной среде может произойти либо утрата культурных коннотаций, либо их трансформация, наделение калькированного слова коннотациями, отличными от исходных, т. е. своего рода «культурная ремотивация» калькированного слова. Об указанном явлении одному из авторов этой статьи уже пришлось писать, анализируя калькированное (< нем., новолат.) название *марьино стекло*, обозначающее одну из разновидностей гипса (реже — вид слюды), см. [Березович и др. 2020: 137]. Настоящая работа посвящена сочетаниям *кошачье золото* и *кошачье серебро*, которые обозначают близкую по минералогическому статусу реалию (вид слюды), появились в результате немецко-русского калькирования, а главное, демонстрируют еще один вариант реализации указанного выше явления — культурной ремотивации переведенного названия, когда формально точный русский перевод имеет иные коннотативные смыслы, чем немецкий источник.

Кошачье золото (серебро) в русском языке

В русской минералогической лексике со времен становления соответствующей отрасли науки в России (вторая половина XVIII в.) закреплены терминологические сочетания *кошачье золото* и *кошачье серебро*. Осуществим краткий обзор основных источников (как специализированных минералогических словарей, так и неспециализированных), где упоминаются эти наименования.

Кажется, самые ранние фиксации принадлежат М. В. Ломоносову. Так, в труде «Первые основания металлургии или рудных дел», который был опубликован в 1763 г. (но подготовлен ранее), *кошачье серебро/золото* упоминается в двух значениях: 1) разновидность селенита¹: «Селинитов

¹ В настоящее время под *селенитом* понимается «волокнуистый гипс с шелковистым блеском, употребляемый для поделок» [ГС, 2: 243]. При этом в истории русской минералогии *селенит* и *слюда* некоторое время трактовались то как синонимы, то как гипероним и гипоним (так, М. В. Ломоносов использует термин *селе-*

находится пять родов: шпат, слюда, флус, дресва и так называемое *кошачье серебро* и *золото*» [СЯЛ: 299]; 2) слюда: «*Кошачье серебро* и *золото* не что иное есть, как только весьма крупная дресва, которая на поверхности своих камешков имеет, как золото или серебро, светлые слюдяные листочки, однако притом никакого металла в себе не содержит» [Там же: 320]. Об активном употреблении этих терминов в последней трети XVIII в. свидетельствуют данные «Словаря русского языка XVIII в.», ср. *кошечье золото (серебро)* ‘мелкая слюда золотистого (серебристого) цвета’: «Берега Камы изобилуют кварцом, глинистым камнем и {...} кошечьим золотом» (Дневные записки путешествия... Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства, 1771–1805), «Желтая или золотистаго цвету бленда называется кошечье золото, а белая называется кошечье серебро» (Словарь коммерческий, содержащий познание о товарах всех стран, и названиях вещей главных и новейших, относящихся до коммерции, 1787–1892) [СлРЯ XVIII, 10: 215].

Затем эти термины в «слюдяных» значениях² попадают в оригинальные специализированные словари: «Минералогический словарь» В. М. Севергина (1807 г.) [1: 445; 2: 358] и «Горный словарь» Г. И. Спасского (1842 г.) [2: 221–222].

В. И. Даль, очевидно, ощущал лексические единицы *кошачье (кошечье) золото (серебро)* ‘мелкая слюда золотистого, серебристого вида’ как вполне употребительные, поскольку включил их в свой словарь без помет трижды (в статьи «Кошка», «Золото», «[Серебренников]») [Даль, 1: 1723; 2: 468; 4: 132].

Что касается более поздних источников, то в XX–XXI вв. интересующие нас сочетания квалифицируются как специальные. Из общих словарей они включены (с пометой «минер.»), кажется, только в «Словарь русского языка, составленный Словарной комиссией Академии наук»: *кошачье (кошечье) золото (серебро)* ‘*Mica aurata*, желтая или золотистого цвета слюда, употребляется в виде блестящей обсыпки для разных украшений; *Mica argentea*, мелкая слюда серебристого цвета’ [СРЯ-Карский, 4/8: 2532–2533]. В таких крупнейших словарях общенародного языка, как словарь Д. Н. Ушакова, Большой (и Малый) академический словарь, они не отме-

---

нит для собирательного обозначения минералов, обладающих совершенной спайностью; «эта формулировка целиком обязана европейскому минералогическому знанию и основана на существовавших тогда представлениях о так называемых “селенитических” солях» [Семенов 1984: 109]). Указанное терминологическое колебание связано с такими свойствами гипса и слюды, как относительная прозрачность и спайность (особенно если речь идет о листоватом гипсе, который обозначается термином *Selenite* в европейской традиции, в отличие от волокнистого гипса, называемого, как указано выше, *селенитом* в современной русской традиции).

² В. М. Севергин даже включает в формулировку значения *кошечьего серебра* сердитую ремарку относительно неточности названия: ‘ископаемое тело, далеко от серебра отстоящее и токмо по невежеству так названное, ибо оно есть не что иное, как слюда серебристого цвета’ [Севергин, 2: 358].

чаются, — и в XX–XXI вв. фиксируются лишь в геологических и минералогических справочниках. В ряде случаев эти справочники дают иные минералогические значения интересующих нас сочетаний. Это, во-первых, более специализированные «слюдяные» значения: ■ мусковит (калиевая слюда) — *кошачье золото* [Кривовичев 2008: 180], *кошачье серебро* [Буканов 2012; GOMN]; ■ выветрелый биотит (калий-алюминий-магний-железо содержащая слюда) — *кошачье золото* [Штрюбель, Циммер 1987: 165; Буканов 2012; ЭМДК: 226]; ■ вермикулит (минерал из группы гидрослюд) — *кошачье золото, кошачье серебро* [ЛТЭК]; во-вторых, значение «пирит (минерал, похожий на золото)» — *кошачье золото* [Штрюбель, Циммер 1987: 165]. Не случайно пирит называют также в русском просторечье *золото дураков* [ЛТЭК; Кривовичев 2008: 138]³. Трудно однозначно определить статус «кошачьих» словосочетаний: с одной стороны, они входят в фонд специальной лексики — это термины, называющие вполне определенные минералы; с другой стороны, их яркая образность и многозначность противоречат основным признакам термина и свидетельствуют об их периферийном положении в минералогической терминологии.

Что можно сказать о мотивированности изучаемых сочетаний? Формально она прозрачна, а с содержательной точки зрения перед нами «двойная» метафора, в которой хорошо интерпретируется второй компонент (*золото/серебро*), но менее ясен первый, связанный с кошкой.

Рассмотрим вкратце «золотую» составляющую, которая включает изучаемые выражения в круг весьма продуктивных аналогичных сочетаний: что-либо сравнивается с золотом и серебром или благодаря своей высокой ценности (ср. *черное золото* ‘нефть’, *зеленое золото* ‘изумруд’, *мягкое золото* ‘пушнина’), или по внешнему сходству. Здесь перед нами второй случай, при этом сочетание является ироничным из-за несоответствия образа кошки с его приземленно-бытовыми коннотациями и «золотых ожиданий». Тем самым сочетание приобретает иронический (пейоративный) характер: «кошачье» определение при обозначении металла подчеркивает его «ненастоящность». Иначе говоря, атрибут *кошачий* фактически становится синонимом *ложного* и указывает на то, что перед нами не настоящее (не «человеческое») золото или серебро, а лишь что-то, своим золотым или серебряным блеском напоминающее эти драгоценные металлы.

Для модели, лежащей в основе этого сочетания, есть несколько мотивационных параллелей, самая близкая из которых (с другим анималистическим компонентом) — название платины, встречающееся в жаргоне горщиков (т. е. специалистов по добыче драгоценных и полудрагоценных камней): *лягушечье золото* ‘платина’ [Борхвальдт 1998: 76; ЛТЭК]. Этим выражением надо заниматься отдельно, но основная причина привлечения

---

³ Данное название является калькированным, ср. англ. *fool's gold* [DGG: 84; Кривовичев 2008: 138].

образа лягушки видится в том, что платина поначалу не признавалась ценным металлом. Имеется и солидная группа разноязычных наименований с «этническим» компонентом, которые ранее рассматривались нами в аспекте ксенономинии: рус. *французское золото* ‘самое плохое, низкопробное’, *американское золото* ‘томпак: сорт латуни, представляющий собой сплав меди с цинком’, *еврейское золото* ‘сплав, имитирующий золото’, польск. *złoto żydowskie* ‘соединение серы и олова, используемое для покрытия бронзой, «золото» для мозаичных работ’, *chińskie srebro* ‘сплав цинка, меди и никеля (нейзильбер)’, англ. *Dutch gold* («голландское золото») ‘томпак — дешевая имитация золотого покрытия’, *Gipsy gold* («цыганское золото») ‘отражение огня на посуде из драгоценных металлов’, *German silver* ‘нейзильбер’, нидерл. *Russisch zilver* («русское серебро») ‘то же’ [Березович 2007: 436–437], ср. также *немецкое серебро* ‘бронза’ [Буканов 2012] и др.

При этом неочевидным остается выбор именно кошки в качестве эталона фальшивости, ложности объекта — и для его объяснения нужно обратиться к контексту, в котором возникли данные выражения и который послужил для них истоком.

Кошачье золото и серебро как немецкие кальки

Решить вопрос о том, как появились указанные сочетания в русском языке, несложно. С первых фиксаций в русском языке для *кошачьего золота* и *серебра* приводятся параллели из других языков, чаще всего немецкого. Учитывая, что сочетания не отмечаются в говорах и принадлежат минералогической терминологии, значительная часть которой пересажена на русскую почву из европейской (где к моменту зарождения отечественной минералогии уже была разработана соответствующая терминосистема, в первую очередь латинско-немецкая), будучи либо заимствованной, либо калькированной, следует предположить, что перед нами к а л ь к и.

Действительно, М. В. Ломоносов в своем «Минеральном каталоге» (1745), который появился раньше, чем упомянутые выше его «Первые основания металлургии или рудных дел», вставляет в текст, написанный им на латыни, оригинальные немецкие названия кошачьего золота и серебра, не переводя их на русский язык: «Selenites Germanis *Katzen-Silber* dictus, Silici griseo adnatus» («Слюда, по-немецки называемая каценсильбер, приросла к серому кремню») [СЯЛ: 311]; «Frustum magnum Selenitis aurei, Germanis *Katzen-Gold* dicti» («Кусок большой золотой слюды, по-немецки каценгольд называемой») [Там же: 318]. В 1763 г. был опубликован перевод с немецкого «Минералогии» И. Валерия, где русские сочетания *кошачье золото* и *кошачье серебро* упоминаются на месте немецких эквивалентов в параграфе о селените с целью обратить внимание на необходимость различения слюды и селенита [Валерий 1763: 88]. Далее *кошачье золото* и

серебро встречаются в немецко-русско-латинском «Словаре минералогическом, старанием Вольного экономического общества изданном 1790 года», причем интересно, что *кошачье золото* (*Katzengold*) здесь — не желтая слюда, а слюда вообще. Немецкий термин, как и его русский перевод, становится родовым наименованием и относится также к разновидностям слюды, выделяемым по цвету: перечисляются *Katzengold gelb, grünliches, rötliches, schwärzliches, weißes* (*Katzensilber*), что переводится соответственно как *дресвяк желтый* (букв. «кошачье золото желтое»), *кошачье золото зеленое, красное, черное и белое*, которое называется еще *кошачьим серебром* [СВЭО: 41].

Этих данных (а их можно, разумеется, умножить) достаточно для того, чтобы показать, как происходило калькирование немецких терминов в русский язык во второй половине XVIII в. В дальнейшем в русских минералогических словарях немецкие данные приводятся как источники для русских или как параллели, иногда дополняясь также другими романогерманскими параллелями: франц. *or des chats, argent des chats*, англ. *cat-gold, cat-silver* etc.

Наличие таких параллелей позволяет предположить, что выражения «кошачье золото» и «кошачье серебро» вошли в международный минералогический обиход. И действительно, уже в словаре братьев Гримм приводятся ряды иноязычных параллелей, ср., помимо английских данных, швед. *kattguld*, фин. *katin kulta*, богем. *kočičí zlato*, шотланд. *catsiller*, швед. *kattsilfver* [DWB, 11: 296, 301] и др. К первой трети XIX в. можно было констатировать широкое распространение этих выражений, о чем говорит цитата из 1-го тома «Универсальной географии» французского географа К. Мальте-Бруна: «...Разновидность слюды в блестках желтовато-золотого или беловато-серебряного цвета известна во всем мире под н е л е п ы м и <разрядка наша. — Е. Б., В. К.> названиями кошачьего золота или кошачьего серебра» [Malte-Brun 1827: 98]. Выделенное слово показательно как характеристика утраты мотивированности этих терминов за пределами материнской культуры и языка. Попытаемся восстановить эту мотивированность.

«Кошачье золото (серебро)» в немецком языке

Как же возникли *Katzengold* и *Katzensilber* в немецком языке? И каковы семантические связи этих сочетаний?

В «Системе минералогии» Дж. Даны время и место появления сочетаний «кошачье золото/серебро» значатся как средневековая Европа [DMD: 613]; первоначальным языком, по всей видимости, был немецкий. Г. Агрикола в 1546 г. приводит в указателе собственно немецких соответствий названиям минералов и металлов, образованным от греко-латинских корней, слова *Katzengold* для *ammochrysos* «мусковит» (от греч. *ἄμμος* «песок», *χρυσός* «золото») и *Katzensilber* для *mica* «слюда», см. [Agricola 1546: 462, 466].

Ф. Клюге в «Этимологическом словаре немецкого языка» указывает, что первоначальное значение слова *Katzengold* — ‘золотисто-желтая смола вишневого дерева’, а значение ‘слюда’ появилось позднее — в XVI в. [Kluge]. Подтверждение этому находим в словаре братьев Гримм: нем. *Katzengold* как обозначение золотистой слюды (аналог слову *amnochrysos* ‘мусковит’) приводится со ссылкой на каталог, составленный К. Швенкфельдом и изданный в Лейпциге в 1600 г., а как обозначение вишневой смолы «с ее золотым блеском» обнаруживается уже в “Summarium Heinrici” — древне-средне-немецком глоссарии, средневековом источнике, датированном XII в., см. [DWB, 11: 296]. Следовательно, «слюдяное» *Katzengold* стало более поздним использованием образа, уже укорененного в немецком языке. Что касается нем. *Katzensilber*, то в словаре братьев Гримм оно отмечено со ссылкой на источники XVI в. [Ibid.: 301].

В англоязычных источниках, по данным Оксфордского словаря, «кошачье золото» (*cats-gold, cat-gold*) фиксируется со второй половины XVIII в. При этом контекст 1776 г. указывает на немецкое происхождение выражения: «Кошачье золото... Так слюда называется немцами, когда имеет цвет золота» [OED, 2: 168]. Более продолжительная англоязычная история, судя по тому же источнику, у «кошачьего серебра» (*cat-silver*): первый приводимый контекст датируется 1583 г., где под этим именем имеется в виду слюда (*mica*) [Ibid.: 189]. Аналогичный вышеприведенному (и взятый из того же источника) контекст с отсылкой к немецкому языку приводится и для «кошачьего серебра»: «Так слюда называется немцами, когда имеет цвет серебра» [Ibid.]. Любопытно, что в словарной статье кроме немецкого *Katzensilber* приводится также новолатинское соответствие *argentum felium* — в контексте, извлеченном из «Естественной истории Оксфордшира» Роберта Плота 1677 г. Автор в отрывке, цитата из которого попала в Оксфордский словарь, не определяет «кошачье серебро» как слюду или какой-либо иной минерал, а сообщает, что обнаружил в окрестностях Деддингтона камень, похожий на серебряный марказит, но им не являющийся (поскольку из него нельзя высечь искру), а поэтому определенный автором как *argentum felium* или *Cat-silver*, «блестящее ничто, не имеющее никакого применения» [Plot 1677: 72].

Итак, «минералого-металлическая» часть рассматриваемых номинаций ясна: они относятся к веществам (чаще всего подразумевается слюда), желтым или белым блеском напоминающим драгоценные металлы. Сложнее «кошачья» часть, т. е. семантическая мотивированность слова «кошачий» в составе названия минерала. Иначе говоря, нам важно ответить на вопрос, почему именно образ кошки используется для того, чтобы передать идею ненастоящего, фальшивого?

Вернемся к этимологическому словарю немецкого языка Ф. Клюге. Объясняя *Katzengold* и *Katzensilber*, автор осторожно замечает, что «низкокачественным разновидностям чего-либо часто давались названия животных. При этом необязательно следует думать о “фальшивости кошек”, хотя

и это могло сыграть определенную роль» [Kluge]. В самом деле, в минералогии можно обнаружить другие примеры появления анималистических пейоративов в составном наименовании. Так, можно привести сочетания, отмеченные в русском профессиональном жаргоне горщиков: *лягушечье золото* ‘платина’ [Борхвальдт 1998: 76], *ослиное зеркало* ‘вид гипса’ [Буканов 2012]⁴: определения указывают на то, что золото или зеркало ненастоящие. Тем не менее, при бесспорном существовании этой модели, выбор образа животного для ее разработки должен быть чем-то мотивирован, — и в случае лягушки и осла такая мотивация просматривается более явно, чем в случае кошки.

Представляется, что именно «ф а л ь ш и в о с т ь» кошек (по Ф. Клюге) в германской культуре — основная причина выбора кошки в качестве индикатора ложности. В академическом словаре немецкого языка “*Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache*” (WDG) находим: *katzenfreundlich* (букв. «по-кошачьи дружелюбный») ‘преувеличенно дружелюбный и вместе с тем неискренний’⁵, *die Katze* (букв. «кошка») ‘по отношению к особе женского пола, унижительно — она лживая и злая’⁶, *der Katzenblick* (букв. «кошачий взгляд») ‘у нее кошачий взгляд — она смотрит фальшиво как кошка’⁷; в словаре братьев Гримм *katzenfalsch* (букв. «фальшивый как кошка»), *Katzenglaube* (букв. «кошачья вера») ‘суеверие’ [DWB, 11: 294, 296] и др.

Образ кошки в немецкой мифологии связан с образом ведьмы, колдовством и оборотничеством, ср.: «В связи с превращением в кошек следует в первую очередь вспомнить о домовых <...>. В народе говорят: двадцатилетняя кошка становится ведьмой, а столетняя ведьма — кошкой. <...> Встречную кошку ни в коем случае нельзя обижать: позже ведьма может страшно отомстить» и др. [Гримм, 2: 707]. Это проявляется и на уровне языка, ср., к примеру, сведения, изложенные в статье *Katzenpeterlein* (букв. «кошачья петрушка») в словаре братьев Гримм: «Кошачьей петрушкой называется несколько видов болиголова; название обозначает “ложную петрушку”, см. *katzengold*; однако *Peterlein*, петрушка, — также имя ведьмы, кошки являются ведьмами, *Peter* — это имя кобальда и кошачье имя, что, вероятно, указывает на связь с мифологией» [DWB, 11: 300].

Таким образом, «кошачий» в названиях минералов прочитывается как «н е н а с т о я щ и й, л о ж н ы й, ф а л ь ш и в ы й», что объясняется в известной мере как давлением анималистической модели («животный» = «нечеловеческий»), так и «кошачьей» мифологии (народным представлениям об устойчивой связи кошки и нечистой силы, а вместе с тем колдовства и об-

⁴ Эти сочетания имеют параллели в других языках и тоже представляют собой, по всей видимости, кальки, но это неважно в контексте нашего исследования.

⁵ <https://www.dwds.de/wb/wdg/katzenfreundlich>.

⁶ <https://www.dwds.de/wb/wdg/Katze>.

⁷ <https://www.dwds.de/wb/wdg/Katzenblick>.

мана). В германском языковом сознании это вполне прозрачная семантика, о чем говорит упоминание «кошачьего золота» и «кошачьего серебра» в популярной литературе, в частности в книге о кошках американского писателя Карла Ван Вехтена «Тигр в доме», где глава «Кошки в фольклоре» содержит следующий пассаж: “The enemies of the feline race say “as false as a cat” and it is from this phrase that the terms cat’s gold and cat’s silver, the common names for mica on account of its deceptive appearance, are derived” [«Враги кошачьей расы говорят “фальшивый как кошка”, и именно из этой фразы родились термины *кошачье золото* и *кошачье серебро*, общеупотребительные названия слюды из-за ее обманчивого внешнего вида]⁸.

Любопытно, что образ кошачьего серебра (как и золота), возникший в немецкой минералогии, затем пережил как бы повторную встречу с семантикой фальши: прилагательное *katzensilberisch* (букв. «кошачье-серебряный») приобрело значение ‘фальшивый, ложный’ вне минералогической сферы, причем на ранних этапах развития, ср. в словаре братьев Гримм случаи употребления из трудов Парацельса (1589): *Du katzensilberischer Arzt* [«Ты ненастоящий врач»], *dasz wir nicht katzensilberische Vernunft und Philosophiam (Pseudophilosophie) gebrauchen* [«То, что мы не используем фальшивый разум и философию (псевдофилософию)»] [DWB, 11: 302].

Несмотря на укорененность связи между образом кошки и семантикой ложности и фальши в немецкой культуре, значительное смысловое расстояние между названием животного и названием минералогического объекта (золотистой или серебристой слюды) создает плодотворную почву для разного рода ложно-этимологических объяснений.

В частности, уже И. К. Аделунг в «Опыте полного грамматико-критического словаря верхненемецкого диалекта» (1774–1786), отметив, что «нельзя обнаружить понятную связь между этими вещами и животным с этим названием» [Adelung, 2: 1513], изложил свою версию происхождения первого компонента *Katzen-* в сложных словах типа *Katzengold* и *Katzensilber*, обозначающих что-либо фальшивое. По его мнению, это то же слово, которое встречается «в составе сложного *Hüttenkatze* [нем. *Hütten* — металлургический или стекольный завод], для обозначения болезни, которой подвержены чаще всего горняки из-за вдыхаемых металлических испарений и которая состоит главным образом в параличе, также, однако, в одышке и истощении» [Ibid.]. Он предлагает и этимологию слова *Katze*: «Если в этом значении оно не является искажением *Asthma*, то, наверное, восходит к древнему *quad*, дурной, злой, плохой, итал. *cattivo*», приводя также бретон. *Quaez* ‘беда, нужда’ и швед. *quiddrag* ‘задыхающийся, затяжной’; *Hüttenkatze*, таким образом, то же, что и *Hüttenübel*, *Hüttenkrankheit* [нем. *Übel*, *Krankheit* ‘недуг, болезнь’], — т. е. болезнь рабочих металлургических, стекольных заводов, см. [Ibid.].

⁸ <https://www.bartleby.com/234/5.html>.

Еще одну попытку объяснить компонент *Katzen-* безотносительно *Katze* ‘кошка’ встречаем в современном немецком электронном минералогическом атласе: «*Katzengold* может быть производным от слова *Ketzer* ‘еретик’, т. е. означать нечто иное, чем позволяет вера» [MAFA]. Таким образом, эта версия предлагает трактовать внутреннюю форму *Katzengold* как «золото еретика».

Приведенные «некошачьи» объяснения кажутся избыточными. Думается, что первая часть названий слюд *Katzengold* и *Katzensilber* представляет собой не искажение какого-либо слова с якобы более подходящей объекту номинации семантикой, а именно слово *Katze* ‘кошка’, прибавляемое к обозначениям металлов. В этом убеждает нас не только вторичная семантика ложности у лексемы *Katze* и соответствующих этой семантике производных. Показательно наличие целого ряда терминов как минералогии, так и других номинативных областей (например, фитонимии) с первым компонентом *Katzen-*. Они свидетельствуют о том, что такая номинативная модель весьма продуктивна в немецком языке: например, в «Словаре устаревших названий минералов» П. Бейлисса находим *Katzenglimmer* (букв. «кошачья слюда») ‘биотит’, *Katzensaphir* («кошачий сапфир») ‘звездчатый синий драгоценный камень, обогащенный железом и титаном корунд’, *Katzenzinn* (букв. «кошачье олово») ‘касситерит’ [GOMN]. Список продолжают *Katzen erz* («кошачья руда») ‘фальшивая руда’, *Katzengummi* («кошачья камедь») ‘камедь, собираемая с деревьев’, *Katzenglas* ‘*lapis specularis*; ненастоящее стекло’ [DWB, 11: 294, 296]. Все названные случаи — старые народные названия камней или веществ, существующие наряду с номенклатурными международными обозначениями. Вторая часть этих составных слов — как правило, название камня или вещества, на которое походит именуемый минерал: «сапфир», «олово», «стекло» etc. Начальное *Katzen-* указывает на иллюзию такого сходства и выступает по сути как определение «ложный, ненастоящий».

Коннотативный фон калькированного названия в русском языке

Очевидно, что некоторые представления о кошке, характерные для германской культуры, и языковой фон, на котором существуют рассматриваемые слова в немецком языке, в русской культурно-языковой традиции не столь активны (по крайней мере, в русском языке не фиксируется развернутый ряд устойчивых сочетаний, где эпитет *кошачий* имеет семантику аномальности, фальши etc.). Тем не менее в результате калькирования изучаемые названия легко прижились в принимающей среде, поскольку они обладают выразительностью и яркой образностью, при этом оба образа, составляющие имя (*кошка* и *золото/серебро*), весьма популярны и частотны.

Выше уже говорилось, что образ золота и серебра в данном случае легко читается. Что касается более «темного» образа кошки, то его отражение

в изучаемом названии поддерживается наличием большого количества терминологических сочетаний из различных естественнонаучных лексических сфер. Так, в «Словаре русского языка XVIII в.» с опорой на переводные источники находим целый ряд «кошачьих» фитонимов: «Трава *кошечьи глаза*» (Полной французской и российской лексикон, с последнего издания лексикона Французской академии на русский язык переведенный Собранием ученых людей, 1786); «*Кошечья Нога*, так называется трава красноватая, из которой делают лекарственный сироп» (Леклерк де Монлино Ш. А. Ж. Словарь ручной натуральной истории, содержащий историю, описание и главнейшие свойства животных, растений и минералов; пер. с фр. яз. Василием Левшиным, 1788); «*Кошечий хвост*, трава» (Полный немецко-русский лексикон, из большого грамматично-критического словаря г. Аделунга составленный, 1798) [СлРЯ XVIII, 10: 215]. Есть и такие «кошачьи» фитонимы, для которых не обнаруживается источник калькирования. Их можно интерпретировать либо как недокументированные / метонимически перенесенные кальки, либо как исконные образно-оценочные сочетания, ср., к примеру, сарат. *кошачий вязиль* 'растение *Onobrychis* L., эспарцетовый журавлиный горох', карел. *кошачьи глазки* 'незабудки', перм. *кошачий клевер* 'репейник', *кошачье мыло* ворон. 'растение *Synoglossum officinale* L., аптечный песий язык', киров. 'растение [какое?]: «Робёнкам были, дак смочим траву-то, руки моешь, так пена и поползет» [СРНГ, 15: 140] и мн. др.

Из этих примеров особый интерес для нас представляют названия, образность которых не основана на внешнем сходстве с объектом (вроде *кошачьих глазок, хвоста, лапок*), — *кошачий вязиль* или *кошачье мыло*. Подобные названия нередко оказываются вписанными в ряды мотивационных параллелей с активным (и весьма симптоматичным) лексическим варьированием: приоб. *китайское мыло* = *мыло татарское* = *остяцкое мыло* = *цыганское мыло* = *собачье мыло* = *медвежье мыло* 'горицвет татарское мыло *Lychnis chalcidonica* L.' [Арьянова, 1: 62]. Ясно, что *кошачье* в данном случае — вариация *собачьего*, а *собачье* — более частый пейоратив, закономерно продолжающий ряд, состоящий из этнонимических и других зоонимических пейоративов, подробнее о таких параллелях, составленных лексемами из тематически разных групп, см. в [Березович 2014: 196]. Здесь *кошачий, собачий, цыганский*... = «ненастоящий», «ложный», «ненормальный, "нечеловеческий"»; такие коннотации, как мы видели, сопровождают и «кошачий» эпитет в немецком обозначении слюды.

В то же время в образе «русской» кошки, в отличие от «немецкой», мотивы ложного и фальшивого не играют большой роли. Отражаясь в названии слюды, образ кошки скорее имеет другой акцент: кошачий = «нечеловеческий», т. е. образ взят как основа для противопоставления чему-либо, что свойственно человеку или используется им. В этом смысле *кошачья слюда* аналогична названиям типа *мышиный горошек* («как горох, но не для человека; его могла бы разве что есть мышь»), а естественность выбо-

ра образа поддерживается доступностью его народному сознанию, близостью животного к человеку, его «подручностью» и пр.⁹

Но «энергия образа» этим не исчерпывается. Поскольку в русской лингвокультурной традиции прилагательное *кошачий* не является ярким пейоративом (в отличие, скажем, от слов *собачий*, а тем более *волчий*), воспринимаящему сознанию нужна дополнительная поддержка, вероятность которой усиливается многогранностью образа кошки. Мотивационную поддержку *кошачьему золоту* и *серебру* непосредственно в минералогической сфере оказывает образ кошачьих глаз, закрепленный в названии, которое входит в международную минералогическую номенклатуру и одновременно в русский общенародный лексический фонд, — *кошачий глаз*, ср. англ. *cat's eye*, нем. *Katzenauge*, франц. *œil-de-chat*, новолат. *oculus felinus*. Этот международный термин попал в русский язык не только в виде кальки, но и в виде материального заимствования *катофталъм*, которое образовано сложением лат. *catus* ‘кошка’ и греч. ὀφθαλμός ‘глаз’¹⁰.

Не вдаваясь в историю возникновения и распространения этого термина, а также не описывая постепенное расширение числа минералогических объектов, по отношению к которым он использовался, укажем на то, что *кошачьим глазом* (или *эффектом кошачьего глаза*) называется перемещающийся при повороте вертикальный световой блик на камне¹¹, напоминающий глаз (глазную радужку) кошки, ср.: «⟨...⟩ При движении ⟨камень⟩ играет золотисто-зеленым отливом, наподобие глаз кошки. От хороших образцов камня знатоки требуют, чтоб отлив всегда располагался узкою прямою полосой» [Пыляев 1888: 307]. Этот эффект известен по отношению к александриту, бериллу, сапфиру, рубину, турмалину, опалу, кварцу, апатиту и др. Такая переливчатость создается обычно «при отражении света от многочисленных микроскопических параллельных включений волокнистых и игольчатых минералов или трубчатых пустот от их выщелачивания» [СКС: 33]. Выделение подобного эффекта — не сугубая тонкость, на которую обращают внимание только специалисты по геммологии

⁹ Ср. активную разработку образа в говорах: казан. *кошачье житье* ‘хорошее житье’, без указ. места *кошачье масло* ‘испортившееся масло’, ряз. *кошачий ум* ‘детский ум’, вят. *с кошачьи слёзы* ‘очень мало’ [СРНГ, 15: 139–140] и мн. др.

¹⁰ Авторы допускают типологическую поддержку со стороны нем. *Katzenauge* для нем. *Katzengold* (-silber), однако считают, что для немецкого языка этот мотивационный стимул не является ведущим в силу мощного — судя по количеству вышеприведенных немецких ботанических, минералогических терминов и слов обиходного языка с начальным *Katzen*- ‘ложно-’ — влияния на появление изучаемых слов закрепленной за «кошачьим» формантом семантики фальшивости.

¹¹ Речь идет и об определенном минерале, называемом *кошачий глаз*, *благородный кошачий глаз* (чаще всего это цимофан), и о многих минералах, которым присущ соответствующий эффект.

(минералогии), — он обыгрывается как на уровне ювелирных практик («Камни типа кошачьего глаза идут на изготовление кабошонов, запонки, бус, реже из них вырезают камеи и интальо» [Там же]), так и в верованиях («Все эти камни считались “оберегами” {...}. В частности, кошачий глаз сохранял любовь, оберегал от измены» [Там же]). Отметим также, что популярность термина *кошачий глаз* поддерживается наличием многих других обозначений минералов с компонентом *глаз*, причем он сочетается обычно с обозначениями животных (*бычий глаз*, *волчий глаз*, *змеиный глаз*, *рыбий глаз*, *совиный глаз*, *соколиный глаз* и др.), но не только с ними (*железный глаз*, *барботов глаз* etc.) [Буканов 2014: 458]. Минералогические «глаза» кодируют как представления об оптических эффектах камня, так и о его форме (как правило, в ювелирном изделии); при этом «глазная» метафора претендует на статус универсальной, поскольку фиксируется во многих языках и в различных социолингвистических стратах (так, в русском языке эта метафора питается и калькированными лексическими единицами, и исконными, ср. калуж., курск., яросл., орл., том. *глазок* ‘одиночный драгоценный камень в каком-либо ювелирном изделии (обычно кольцо, перстне)’ [СРНГ, 6: 189]).

Предположение о том, что употребление выражений *кошачье золото* и *серебро* по отношению к веществу, обладающему заметным золотистым или серебристым блеском, может опираться на представления об оптических эффектах кошачьего глаза, подтверждается словами наших среднеуральских информантов-горщиков: «Кошачье золото есть, это вермикулит или биотит. Блестит, как глаза у кошки. А глаза у кошки светятся в темноте. Все видели кошачий глаз ведь ночью! Такого не забудешь! А еще есть кошачий глаз в разных камнях, у опала, у берилла, у разных. А почему? Кошачий глаз зеленый в темноте. Так и в камне. Когда сделаешь кабошон (камень округлой формы, обработанный до гладкой отполированной поверхности, — в отличие, например, от фасетной огранки. — Е. Б., В. К.), поворачиваешь, центр становится зеленый и в середине как зрачок. Зрачок, когда поворачиваешь кабошон, сдвигается влево и вправо» (Свердловская область, Горнозаводский район, Кайгородское); «Кошачье золото есть и серебро. Это одно и то же. Это слюда такая золотистая, серебристая ли. Название по кошке. Кошачье золото поблескивает, как у кошки глаза» (Екатеринбург) [ЛТЭК].

Но этим не исчерпываются возможности ремотивации сочетаний *кошачье золото* (*серебро*) в русском языке. Если описанный выше вариант ремотивации (вторичное взаимодействие *кошачьего золота* и *серебра* с *кошачьим глазом*) основан на внутриязыковых причинах, то другой вариант — на факторе культурного плана: принимающая культурно-языковая среда имеет свой фонд верований и мифологических представлений, которые могут повлиять на восприятие сочетания *кошачье золото*. В данном случае это верования, связанные с образом кошки в контексте «каменной темы»: кошка может трактоваться как

животное-проводник при добыче полезных ископаемых и драгоценных камней или животное, олицетворяющее подземные богатства, а также сверхъестественную силу, их охраняющую.

Такие мотивы реализуются, к примеру, в уральских сказах П. П. Бажова. Так, в «Серебряном копытце» именно благодаря кошке Муренке люди смогли увидеть волшебного козла, от удара копыт которого возникали драгоценные камни. Как только сирота Даренка вздохнула, что камни кончаются, «кошка фыркнула, ровно ей что не по нраву пришлось», — и Даренка обнаружила в своем сундучке новые прекрасные камни, в том числе — что неслучайно — *кошачий глазок*. Ср.: «Перед нами персонаж-маргинал, осуществляющий посредническо-связующую функцию между тем и этим мирами. Поэтому так легко находит кошка общий язык с волшебным козлом, именно по ее сигналу Серебряное копытце исчезает» [Швабауэр 2002: 68].

Мотив кошачьих глаз, «материализующихся» в камнях, представлен и в сказе «Сочневы камешки». Старатель Ванька Сочень добыл ценные камни диоптазы (так называемые «медные изумруды»), после чего его начинают преследовать безглазые кошки: «“Мяу! Мяу! Отдай наши глаза”, — оглянулся Сочень, а на него прямо три кошки бегут. Все бурые и все без глаз». Тем самым «буквализируется» описанная выше метафора «глаз кошки» → «камень, отражающий свет».

Фигурирует у П. П. Бажова и земляная кошка с огненными ушами, живущая под землей и выставляющая наружу свои уши: «Два страшенных синих огня поднялись, ровно кошка за горой притаилась, уши выставила» (сказ «Кошачьи уши») ¹². Есть и более определенные указания на демоническую природу кошки: так, у демонического змея, охраняющего каменные богатства, мужской облик, «глаза зеленые и светят, как у кошки» (сказ «Про Великого Полоза») ¹³.

Эта «кошачье-каменная мифология» явно имеет разные источники. С одной стороны, нельзя не вспомнить русский крестьянский фольклор, в котором кошка (среди других анималистических образов) участвует в персонификации кладов. С другой стороны, «кошачьи» мотивы есть и в верованиях башкирских шахтеров (контактирующих с русскими на территории Урала), которые считают, что там, где вспыхивают кошачьи уши, скрыты подземные богатства [Там же: 52, 67]. Возможно, есть и другие истоки описываемой образности, но это не так уж и важно. Важнее то, что в русской мифопоэтической традиции имеются устойчивые связи между образом кошки и представлениями о сокровищах недр. Эта связь могла дополнить коннотативный фон *кошачьего золота и серебра*.

¹² В образе этой кошки представляется сернистый газ, выходящий на поверхность [Швабауэр 2002: 67].

¹³ Ср. образ цвергов (подземных гномов) в фольклоре немецких шахтеров: по легендам, цверги способны принимать облик жабы, змеи, кошки, козла [Швабауэр 2002: 158].

* * *

Таким образом, название слюды *кошачье золото (серебро)*, пополнив фонд немецко-русских калек в минералогической терминологии, испытало культурную ремотивацию на почве русского языка. В немецком языке внутренняя форма термина прозрачна и читается как «ложное золото», поскольку слова «кошка», «кошачий» имеют коннотацию ложного, фальшивого, которая верифицируется во многих идиоматических (в том числе терминологических) сочетаниях, отражена в фольклоре и мифологии. В русском языке семантическая мотивированность минералогического термина прочитывается несколько «асимметрично» по отношению к немецкому прототипу, так как у слова *кошачий* коннотация ложности проявлена ощутимо слабее. Это доказывается еще и тем, что в немецком языке существует целый ряд сочетаний с определением «кошачий», которые имеют обобщенно-пейоративный смысл (а само определение по семантике приближается к ксенонимам со значениями аномальности, фальши и проч.). В русском языке эта модель не является разработанной (хотя есть смысловые ресурсы для ее прочтения), поскольку идиоматические сочетания такого плана, кажется, не отмечены (или немногочисленны). Соответственно, коннотативный фон термина может пополняться из других ресурсов принимающей лингвокультурной традиции: за счет притяжения к минералогическому термину *кошачий глаз* (с актуализацией признака каменного блеска, подобного блеску кошачьих глаз) и за счет «кошачьей» мифологии горного дела.

Думается, что эта история, хоть она и «штучная», поучительна в смысле демонстрации возможностей культурной ремотивации, изучение которой следует продолжить.

Сокращения в обозначениях говоров русского языка

ворон. — воронежские	курск. — курские
вят. — вятские	орл. — орловские
казан. — казанские	ряз. — рязанские
калуж. — калужские	сарат. — саратовские
карел. — русские говоры Карелии	том. — томские
киров. — Кировские	яросл. — ярославские

Источники и словари

Арьянова 1–3 — В. Г. Арьянова. Словарь фитонимов Среднего Приобья. Томск, 2006–2008. Т. 1–3.

Борхвальдт 1998 — О. В. Борхвальдт. Словарь золотого промысла Российской империи. М., 1998.

Буканов 2012 — В. В. Буканов. Энциклопедия «Цветные камни». СПб., 2012 [Электронный ресурс]. URL: <https://gems.minsoc.ru/>.

Буканов 2014 — В. В. Буканов. Цветные камни и коллекционные минералы. Энциклопедия. 3-е изд., испр. и доп. СПб., 2014.

Валерий 1763 — Минералогия, или Описание всякого рода руд и ископаемых из земли вещей, сочиненное Иоганном Готшалком Валерием, Королевской Шведской академии в Упсале Философии и Медицины Доктором, а с немецкого на российской язык переведенное действительным статским советником, бергколлегии Президентом и Монетной канцелярии главным судьей Иваном Шлаттером. СПб., 1763.

Гримм 2 — Я. Гримм. Германская мифология. Т. II / Пер., коммент. Д. С. Колчигина; под ред. Ф. Б. Успенского. М., 2018.

ГС — Геологический словарь: В 2 т. / Под общ. ред. А. Н. Криштофовича. М., 1955.

Даль 1–4 — В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. 3-е изд. СПб.; М., 1903–1909.

Кривовичев 2008 — В. Г. Кривовичев. Минералогический словарь. СПб., 2008.

ЛТЭК — картотека «Лексика, топонимия, этнография камня» (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского университета, Екатеринбург).

Пыляев 1888 — М. И. Пыляев. Драгоценные камни. Их свойства, местонахождения и употребление. 2-е изд., доп. СПб., 1888.

СВЭО — Словарь минералогический, старанием Вольного экономического общества изданный 1790 года. СПб., 1790.

Севергин 1–2 — В. М. Севергин. Подробный словарь минералогический, содержащий в себе подробное изъяснение всех в минералогии употребительных слов и названий, также все в науке сей учиненные новейшие открытия: В 2 т. СПб., 1807.

Семенов 1984 — В. Б. Семенов. Селенит. Свердловск, 1984.

СКС — Б. Ф. Куликов, В. В. Буканов. Словарь камней-самоцветов. 2-е изд., перераб. и доп. Л., 1989.

СлРЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII века / Ред. С. Г. Бархударов и др. Л.; СПб., 1984–. Вып. 1–.

Спасский 1–3 — Г. Спасский. Горный словарь, составленный Григорием Спасским, обер-берггауптманом 5 класса и кавалером Императорской С.-Петербургской Академии наук корреспондентом и разных ученых обществ членом. М., 1841–1843. Ч. 1–3.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22); Ф. П. Сороколетов (вып. 23–42); С. А. Мызников (вып. 43–). М.; Л.; СПб., 1965–. Вып. 1–.

СРЯ-Карский — Словарь русского языка, составленный Словарной комиссией Академии наук СССР: В 14 т. / Ред. Е. Ф. Карский и др. СПб.; Л., 1891–1937.

СЯЛ — Словарь языка М. В. Ломоносова: [материалы к словарю языка М. В. Ломоносова] / Гл. ред. Н. Н. Казанский. СПб., 2010.

Штрюбель, Циммер 1987 — Г. Штрюбель, З. Циммер. Минералогический словарь: пер. с нем. М., 1987.

ЭМДК — Н. Собчак, Т. Собчак. Энциклопедия минералов и драгоценных камней. СПб.; М., 2002.

Adelung 1–4 — J. Ch. Adelung. Grammatisch-kritisches Wörterbuch der Hochdeutschen Mundart, mit beständiger Vergleichung der übrigen Mundarten, besonders aber der Oberdeutschen. In 4 Bd. Leipzig, 1793–1801.

Agricola 1546 — G. Agricola. De Ortu & causis subterraneorum, lib. V., De natura eorum quae effluunt ex terra, lib. IIII, De natura fossilium, lib. X, De ueteribus & nouis metallis, lib. II, Bermannus, siue de re metallica dialogus. Interpretatio Germanica uocum rei metallicae, addito Indice foecundissimo. Basel, 1546.

DGG — M. Manutchehr-Danai. Dictionary of Gems and Gemology. Berlin; Heidelberg, 2013.

DMD — The System of Mineralogy of James Dwight Dana. 1837–1868: Descriptive Mineralogy. 6 ed. / By ed. S. Dana. New York; London, 1904.

DWB — J. Grimm, W. Grimm. Deutsches Wörterbuch. 16 Bde. in 32 Teilbänden. Leipzig, 1854–1961.

GOMN — P. Bayliss. Glossary of Obsolete Mineral Names. Tucson, 2000. URL: <https://www.yumpu.com/it/document/read/5552776/glossary-of-obsolete-mineral-names-k>.

Malte-Brun 1827 — C. Malte-Brun. Universal geography, or A description of all parts of the world, on a new plan, according to the great natural divisions of the globe accompanied with analytical, synoptical, and elementary tables. Vol. 1. Philadelphia, 1827.

MAFA — Katzensgold // Mineralienatlas — Fossilienatlas. URL: <https://www.mineralienatlas.de/lexikon/index.php/MineralData?mineral=Katzensgold>.

OED — The Oxford English Dictionary: Being a Corrected Re-issue with an Introduction, Supplement and Bibliography, of A New English Dictionary on Historical Principles: Founded Mainly on the Materials Collected by the Philological Society. Vol. 2. Oxford, 1933.

Plot 1677 — R. Plot. The natural history of Oxford-shire: being an essay toward the natural history of England. Oxford, 1677.

Л и т е р а т у р а

Березович 2007 — Е. Л. Березович. Язык и традиционная культура. М.: Индик, 2007.

Березович 2014 — Е. Л. Березович. Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2014.

Березович и др. 2020 — Е. Л. Березович, И. Т. Демкина, Д. В. Спирidonov. Еще раз об имени в свете проблемы «Wörter und Sachen»: «марьино стекло» в русском и западноевропейских языках // Вопросы ономастики. 2020. № 2. С. 136–165.

Швабауэр 2002 — Н. А. Швабауэр. Типология фантастических персонажей в фольклоре горнорабочих Западной Европы и России. Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург: Уральский государственный университет, 2002.

Kluge — Fr. Kluge. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache / Bearb. von E. Seebold. 24 Aufl. Berlin; New York, 2002.

Статья получена 24.08.2020

Elena L. Berezovich
Perm State University
(Perm, Russia)
Ural Federal University
(Ekaterinburg, Russia)
berezovich@yandex.ru

Valeria S. Kuchko
Perm State University
(Perm, Russia)
Ural Federal University
(Ekaterinburg, Russia)
kuchko@inbox.ru

**ON THE PHENOMENON OF CULTURAL REMOTIVATION
IN LOAN TRANSLATION:
CAT'S GOLD AND CAT'S SILVER IN MINERALOGICAL TERMINOLOGY**

This article is devoted to the Russian mineralogical terms *koshach'ye zoloto* 'cat's gold' and *koshach'ye srebro* 'cat's silver', which most often refer to mica of golden and silver shades respectively. These word collocations appeared in the Russian language in the second half of the 18th century as a result of loan translation of the German words *Katzengold* and *Katzensilber*. The authors trace the history of the use of these expressions both in Russian mineralogy and in Western European sources, and also reconstruct their motivation in German, coming to the conclusion that the first part of these expressions ('cat') points at the falsity of "gold" or "silver". The authors determine the reasons why the image of a cat in the source language is associated with the semantics of falsehood. The authors analyze the nature of cultural remotivation of these combinations in the Russian language, which consisted in obscuring their original connotations and creating a new connotative background after loan translation.

Keywords: mineralogical vocabulary, historical lexicology, loan translation, motivational reconstruction, cultural remotivation, cultural connotations

References

- Berezovich, E. L. (2007). *Yazyk i traditsionnaya kul'tura*. Moscow: Indrik.
- Berezovich, E. L. (2014). *Russkaya leksika na obshch斯拉vianskom fone: semantiko-motivatsionnaya rekonstruktsiya*. Moscow: Russkii fond sodeistviya obrazovaniyu i nauke.
- Berezovich, E. L., Demkina, I. T., & Spiridonov, D. V. (2020). Eshche raz ob imeni v svete problemy «Wörter und Sachen»: «mar'ino steklo» v russkom i zapadnoevropeiskikh yazykakh. *Voprosy onomastiki*, 17(2), 136–165.
- Kluge, Fr. (2002). *Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache* (24 Aufl.). Berlin; New York: De Gruyter, 2002.
- Shvabauer, N. A. (2002). *Tipologiya fantasticheskikh personazhei v fol'klore gornorabochikh Zapadnoi Evropy i Rossii* (doctoral dissertation). Ural State University, Ekaterinburg.

Received on August 24, 2020